

Максим Пулькин

Начальное образование для «инородцев» на Европейском Севере России (конец XIX — начало XX в.)¹

Российское законодательство никогда не предусматривало каких-либо ограничений в начальном образовании для так называемых «инородцев» — неславянского населения страны [Малиновский 1916: 119]. Самый ранний проект создания «инородческих» школ относится к 1723 г.: некто В. Симанов представил в Синод проект, состоявший из 13 пунктов и предполагавший распространение русского языка, подготовку к крещению язычников и укрепление в вере ранее окрещенных [Об обращении 1868: 145–146]. Проект остался нереализованным. Формирование системы церковно-приходских школ в России, начавшееся в 1836 г., изначально связывалось с решением ряда проблем, в число которых, особенно на первом этапе, до 1870 г., русификация не входила.

Задача школ состояла лишь в общеобразовательной и церковно-просветительской

Максим Викторович

Пулькин

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск;
Петрозаводский государственный университет

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

деятельности: «Школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания» [Правила 1898: 12]. Начальные учебные заведения существовали под надзором местного духовенства, получая средства от приходских попечительств, церковных братств, «земских или других общественных или частных учреждений и лиц, епархиального и высшего духовного начальства, а равно из казны» [Правила 1898: 13]. Однако вскоре (в 1870-е гг.) школы были оценены как могущественное средство распространения русского языка.

На общероссийском уровне эту идею наиболее отчетливо сформулировал казанский ученый-востоковед Н.И. Ильминский и горячо поддержал тогдашний министр народного просвещения граф Д.А. Толстой [Малиновский 1916: 137–138]. Позиция министра народного просвещения по вопросу об «инородческой» школе видна из ряда его высказываний: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение» (цит. по: [Куманев 1973: 59]). По его мнению, «объединение всех народностей России» могло быть достигнуто «не путем приспособления к запросам отдельных народностей, а через прохождение их через правительственный однообразную для всех местностей России школу с государственным языком преподавания» [Малиновский 1916: 127]. Не удивительно, что взаимопонимание между этими деятелями народного просвещения установилось быстро. Они предлагали сделать «орудием первоначального обучения для каждого племени <...> родное наречие его». Учителями школ для «инородцев» должны были становиться выходцы из местных народов или русские, владеющие инородческим наречием. На втором этапе предполагался переход на русский язык: «Как только усвоят себе довольно значительный запас русских слов и выражений, начинают обучаться русской грамоте». На третьем этапе предусматривался переход на русский язык и совместное обучение «инородческих» и русских детей [Узаконение 1913: 20–21].

Все эти правила, очевидно, следовало применять и в Олонецкой губернии. Здесь церковно-приходские школы начали формироваться раньше, чем в других местах России. В 1836 г. Синод составил «Правила для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольнических детей», предназначенные первоначально для одной Олонецкой губернии [Рождественский 1902: 283]. Затем с соизволения императора эти правила были распространены и на другие части империи. При этом «обязанность первоначального обучения поселянских детей возлагалась на приходское духовенство» [Рождественский 1902: 284].

Поэтому и в Олонецкой губернии школы на первых порах оказались в подчинении духовного ведомства. Здесь сразу же обнаружились языковые проблемы. Как говорилось в рапорте епископа Олонецкого и Петрозаводского Игнатия, адресованном Синоду, среди карел Олонецкой епархии «из женского пола по крайней мере две трети не умеют говорить иначе, как по-карельски. <...> Дети обоего пола говорят языком матерей»¹. Это положение не было спецификой лишь Олонецкой губернии. В Яренском уезде Вологодской губернии местные власти в начале XX в. констатировали то же самое: «Часть мужского населения [зырян. — М.П.] понимает русскую речь, <...> женщины же понимают ее слабо и по-русски вовсе не говорят» [Освящение 1903: 50]. Исходя из этого грустного для местных духовных властей обстоятельства церковно-приходские школы должны были сыграть не последнюю роль в жизни Архангельской, Вологодской и Олонецкой епархий.

Между тем положение оставалось безрадостным. Повсеместно церковно-приходские школы столкнулись с заметными трудностями — отсутствием помещений и учебников. По данным отчета о состоянии Олонецкой епархии за 1861 г., существенной проблемой оставался также языковой барьер: «Бедность и необразованность самих родителей и совершенное незнание русского языка служат также немалым препятствием к обучению детей»². В Кемском уезде Архангельской губернии («Беломорской Карелии») проблема адаптации местного населения к русскому языку даже к началу XX в. оставалась весьма острой. По данным исследовательницы школьного образования О.П. Илюхи, даже после завершения учебного курса «в отдельных школах из-за слабого владения русской речью половина и более учеников не допускались к выпускным экзаменам» [Илюха 2000: 77].

В августе 1877 г. Петрозаводск посетил упоминавшийся выше министр народного просвещения граф Д.А. Толстой. Он был известен своими взглядами на «инородческую» школу как орудие распространения русского языка. В данном случае он оставался верен себе. Заботясь об образовании «невежественного корельского племени», населявшего, как ему стало известно, «некоторые уезды Олонецкой губернии», он приказал «принять надлежащие меры к учреждению начальных сельских училищ в местностях с карельским населением по образцу существующих ныне <...> одноклассных сельских училищ министерства народного просвещения». Приступая к исполнению предписаний на-

¹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906. Л. 37.

² Там же. Ф. 25. Оп. 15. Д. 66/1445. Л. 38.

чальства, местный директор народных училищ указывал в своем отношении олонецкому губернатору: «*Корельское племя по преимуществу населяет уезды Петрозаводский, Олонецкий и Повенецкий*»; «*в этих уездах состоят ныне не более 32 элементарных школ для корельского населения*». Между тем «*число детей школьного возраста простирается в настоящее время до 4796 душ*». Исходя из создавшегося положения директор признал необходимым «*устроить по крайней мере 16 школ в местностях с корельским населением*».

Директор, по заверениям министра, мог рассчитывать на существенную финансовую поддержку «со стороны казны». Обещанные суммы покрывали только часть предполагаемых расходов. Поэтому директор обратился в уездные земские управы «*с ходатайством об изыскании средств со стороны земств к открытию и содержанию вновь проектируемых 16 начальных школ в местностях с корельским населением*¹». Земские управы категорически отказались поддержать предложение министра и директора. Так, Петрозаводская управа «*не признала возможным открыть в будущем году названных училищ*», но распорядилась «*просить ходатайства о преобразовании в образцовое земского училища Мунозерского*». Олонецкое земское собрание «*при всем сочувствии к делу народного образования*» все же распорядилось отклонить просьбу директора, «*так как главные земские плательщики и без того обременены налогами*²».

Позиция родителей потенциальных учеников была еще одним фактором, препятствовавшим развитию образования. По данным из донесения олонецкого земского исправника в адрес губернатора, в карельских деревнях «*грамота в самом малом употреблении, и родители детей своих обучают для того только, чтобы они приносили со временем какую-либо пользу для поддержания быту их, что весьма редко удается, а затем они к предмету сему весьма равнодушны*». Выслушав советы «*разумнейших людей*», карелы, утверждал исправник, «*дают такие ответы, которые доказывают невыгодное мнение их о грамоте*». Характерные высказывания приводились в этом же документе: «*пусть-ка дети придерживаются определенной им средины природою и будут скромнее и не испортят своей нравственности, а с грамотою пойдут бурлачить [т.е. работать по найму. — М.П.] и приобикнут всему дурному*³».

Отчасти такое отношение к образованию сложилось под влиянием низкого уровня преподавания, характерного для мест-

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 11. Д. 33/35. Л.1–1, об.

² Там же. Л. 10, 11–11, об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 8/4. Л. 79.

ных домашних учителей: «здесь обученный домашними учителями юноша оканчивает курс свой тем, что едва умеет читать и писать правильно, не понимая значения слов». Русский язык «остается ему столько же незнакомым и при выпуске из класса, как был при вступлении в оный»¹. Тупая зурбажка русских текстов провозглашалась своего рода нормой, важным этапом при изучении русского языка. Так, в 1916 г. совещание «по вопросу о наилучшей постановке преподавания Закона Божия» рекомендовало использовать в карельских школах «механическое изучение первоначальных молитв», при одновременном объяснении непонятных учащимся слов на «местном языке» [Совещание 1916: 3]. После того как в Карелии начала развиваться сеть училищ с профессиональными педагогами, ученики-карелы постепенно начали приобщаться к школьному образованию и овладевать русским языком.

В Архангельской губернии сходные проблемы испытывали преподаватели «зырянских» школ. Здесь даже возник вопрос о внедрении четырехлетнего курса обучения. Обосновывая это предложение, Мезенско-Печерское отделение сообщало Училищному совету, что «в помянутые школы поступают дети, большую частью не понимая русский язык». Поэтому учитель «на первых порах своих занятий должен преподавать начатки того языка, на котором будет ведено общее обучение». Отсутствие знания русского языка заведомо обрекает «инородцев» на отсталость. Как говорилось далее в цитируемом документе, мало надежды на то, чтобы ученики, плохо знакомые с разговорным и литературным русским языком, «по выходе своем из школы, могли заинтересоваться книгой и сохранили желание вести самостоятельно свое пошкольное образование» [От Мезенско-Печерского отделения 1904: 194].

В другой части Архангельской губернии, на Кольском полуострове, задачей «инородческой» школы стало обучение саамов. Здесь она опиралась на энтузиазм отдельных представителей духовного сословия, а не на правительственные мероприятия. Начиная с 1886 г. священник Пазрецкого прихода К. Щеколдин «решился по звуковому способу выучить лопарских детей самым употребительным молитвам, чтобы они их правильно читали и пели; он при каждом удобном случае собирал детей в одно место, произносил слова молитвы — дети повторяли вслед» [Харузин 1890: 70]. Скоро у о. Щеколдина нашлись последователи во «внутренних погостах русской Лапландии». С сентября 1889 г. началось обучение грамоте в только что освященной церковно-приходской лопарской школе в Нотозерском приходе.

¹ Там же. Л. 79, об.

де Кольского уезда. Непродолжительное время спустя открылась третья школа — у лопарей Кильдинского погоста [Харуцин 1890: 72].

К началу ХХ в. начинания в области образования стали более планомерными и в гораздо большей степени ориентировались на потребности «инородцев». Так, в Олонецкой губернии пристальное внимание уделялось использованию карельского языка в образовании. В докладной записке губернатора Протасьева на имя П.А. Столыпина указывалось, что для успешного противостояния панфинской пропаганде необходим ряд мер в образовательной сфере. Прежде всего, нужна модернизация существующей системы школ — создание «целого ряда ночных приютов и общежитий», преобразование имеющихся одноклассных школ в «министерские училища с повышенным — в шесть отделений — курсом». Поскольку, говорилось далее в записке, «население глухих карельских местностей почти не говорит по-русски, учителю начальной школы в такой местности совершенно необходимо знать карельский язык, как для первоначальных занятий с детьми в школе, так, особенно, при устройстве бесед и чтений со взрослыми». Для достижения этой цели предполагалось учредить десять стипендий для «кореляков» при учительской семинарии в Петрозаводске.

В этом же документе говорилось о необходимости ввести в духовной семинарии и женском епархиальном училище «изучение карельского языка для всех учеников и учениц, имевших в виду посвятить себя деятельности в Корелии»¹. Но в то же время руководство органов образования категорически запрещало принимать меры, способствующие развитию карельского языка или просто повышающие его престиж. Инспектор народных училищ в мае 1907 г. наставлял своих подчиненных: «Учитель карельской школы должен быть до некоторой степени знаком с карельским языком, чтобы понимать местное население и не особенно затрудняться для выяснения русских понятий детям». Этим следовало ограничиться: «Ни в коем случае не должно быть допускаемо преподавание на карельском языке»². В то же время учителя, вовсе не знаяшие карельского языка, подвергались суровой критике. Так, один из участников съезда представителей Архангельской и Финляндской епархий считал необходимым опубликовать свои замечания в адрес молодой сельской учительницы из Вокнаволока, которая, как он обнаружил при посещении школы, «плохо знает местный карельский язык и совсем как будто незнакома с новыми методами

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105/61. Л. 3, об.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102/1. Л. 141.

обучения в инородческих школах» [Панфинская пропаганда 1906: 45]. Через приобщение детей к русскому языку планировалось оказать влияние и на родителей.

Вскоре успехи школьного образования в некоторых местностях стали очевидными. С одной стороны, как отмечал олонецкий губернатор Протасьев, работа Повенецкого уездного земства в образовательной сфере была *«прямо поразительна»*: *«С осени 1907 г., когда правительством было асигновано пособие уезду на введение всеобщего образования, оно стало свершившимся фактом»*. В результате в этот же период, отчасти выдавая желаемое за действительное, олонецкий губернатор утверждал: *«Почти все карельское население до 25-летнего возраста прошло народную школу и совершенно свободно говорит по-русски»*. Лишь среди женщин и старииков *«встречаются иногда лица, плохо или совсем не говорящие по-русски, особенно в глухих деревнях»*¹. Между тем, по данным этого же источника, сами карелы предпочитали обучение на русском языке. Губернатор лично посетил с. Реболы и беседовал с местным населением. *«На вопрос, предложенный карелам, они ответили, что им очень приятно дополнительное богослужение на корельском языке (чтение Евангелия, Отче наш и проповедь), так как они лучше понимают по-карельски, но на вопрос — на каком языке они желают учиться в школе? — карелы в один голос (человек 200) ответили: „Мы сами русские и желаем учиться по-русски“*².

Тем не менее обучение русскому языку сопровождалось серьезными трудностями. Родители боялись утратить контроль над детьми в том случае, если последние, в отличие от них самих, получат систематическое школьное образование. Но не в меньшей степени они опасались того, что дети не смогут занять достойное положение в обществе. Они понимали: добиться определенного статуса в российском обществе можно было, только овладев русским языком. Здесь совпали интересы старшего и подрастающего поколения. Среди представителей финских народов Европейского Севера *«говорить по-русски даже в родной культурной среде уже в конце XIX в. должно было означать принадлежность к „высшему“ обществу примерно так же, как у русских дворян конца XVIII–XIX в. говорить по-французски значило демонстрировать свою культурную общность с „Европой“»* [Калинин 2000: 77].

Представление о престижности русского языка, русских форм времяпрепровождения проявилось в карельской деревне весьма отчетливо и на бытовом уровне, влияя и на образование.

¹ Там же. Л. 8–8, об.

² Там же. Л. 8.

К началу XX в. среди карельской молодежи получили распространение те же увеселения, что и у русских: «*Te же „беседы“ всю зиму с русскими песнями, частушками и плясками — „карель“, „водят утешку“*». При этом, не освоив еще в совершенстве русский язык, карельская молодежь стремилась выучить русские плясовые, хороводные и «утешные» песни [В-гов 1913: 256]. Примечательно, что в Северной (Архангельской) Карелии роль престижного фольклорного произведения нередко исполняли финские песни, «связанные с танцами» [Богданов 1929: 78].

Получая столь отрадную информацию с мест, олонецкий губернатор совершенно не собирался почивать на лаврах. Собранные им совещание из представителей духовно-учебного ведомства, дирекции народных училищ и председателей земских управ «пришло к заключению о необходимости еще целого ряда просветительных мер в Олонецкой Карелии». Предполагалось учредить 10 стипендий для «кореляков при учительской семинарии в городе Петрозаводске, с специальной подготовкой их для деятельности в карельских школах в православно-русском направлении».

В Беломорской Карелии, относившейся в то время к Архангельской губернии, планировалось использовать для преподавания в школах финский язык. Таким способом пытались повысить престиж школ, сделать их более привлекательными для карелов. На это прямо указывают материалы Ухтинского съезда представителей Архангельской и Финляндской епархий, состоявшегося в 1906 г. Делегаты съезда, идя навстречу пожеланиям карелов, высказывались за обучение детей финскому языку «для более сознательного усвоения народом православного богослужения и веры», «для ослабления в карельских приходах пропаганды панфинства и протестантизма». Планировалось «ныне же ввести в церковных школах карельского края обучение финскому языку», а также «воздушить ходатайство» о создании «передвижных школ» для отдаленных деревень [Панфинская пропаганда 1906: 6].

Одновременно в начале XX в. активизировалась работа по подготовке кадров для «инородческих» школ. Так, отмена преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии была признана ошибочной: планировалось вновь ввести в духовной семинарии, в женском епархиальном училище и учительской семинарии в Петрозаводске, из которой выходили учителя и учительницы народных школ, «изучение карельского языка для всех учеников и учениц, имеющих в виду посвятить себя деятельности в Карелии»¹. Наконец, «так как наре-

¹ Там же. Л. 4.

Максим Пулькин. Начальное образование для «инородцев» на Европейском Севере России (конец XIX — начало XX в.)

чие карел Олонецкого уезда (в западной части губернии) настолько отличимо от карельского наречия северной части Повенецкого уезда, а также Кемского уезда Архангельской губернии, что те и другие карелы совершенно не понимают друг друга, то для обслуживания карельских школ Повенецкого и Кемского уездов совершенно необходимо было бы открыть учительскую семинарию в центре Северной Карелии в селе Ругозере или Паданах Повенецкого уезда»¹.

Аналогичные проекты выдвигались и в отношении «зырянских» школ. Профессор К. Жаков предлагал активнее использовать родные языки в «инородческой» школе. Он писал: «для инородцев необходимо преподавание в младших классах на их языке, а в старших — на русском. Тогда отношение к литературе русской было бы осмысленным, и ученик, пребывая в школе, не терял бы навсегда своей почвы». Существовавший порядок вёщей он подвергал суровой критике: «В наши дни и в прошлые, когда преподавание начиналось сразу с русского языка, выходило то, что ученик, окончивший сельскую школу, не знал ни русского, ни зырянского языка». Но существовавшая система образования имела и более далеко идущие последствия: выпускник в итоге «не имел ни уважения к своей родине и быту крестьян, ни развития умственного» [Жаков 1915: 69].

В целом можно отметить, что именно школы, в том числе и церковно-приходские, стали одним из наиболее значимых центров массового обучения «инородческого» населения империи русскому языку. Появление школ стимулировало издательскую деятельность. Так, до 1914 г. в Петрозаводске, Санкт-Петербурге и Выборге было опубликовано «более 25 изданий религиозной тематики [на карельском языке. — М.П.] с использованием модифицированного русского шрифта» [Анттикоски 2000: 166]. Аналогичные цели ставили перед собой преподаватели церковно-приходских школ многих других российских епархий со значительным процентом «инородческого» населения, в том числе, например, Казанской [Мироносицкий 1903: 12].

Использование карельского языка в учебном процессе в значительной степени опиралось на энтузиазм преподавателей школ. На этот факт неоднократно обращала внимание епархиальная пресса. «Учащие инородческих школ, — утверждали авторы заметки в 1904 г. в «Архангельских епархиальных ведомостях», — глубоко чувствуют необходимость усвоения учениками русской речи, необходимость как для ближайших целей обучения, так и для целей образовательных» [От Мезенско-Печер-

¹ Там же.

ского отделения 1904: 195]. В некоторых случаях учителя не ограничивались только воспитанием детей, но старались удовлетворять культурные запросы выпускников сельских школ. Так, учителя из Видлицкой волости пришли к выводу о том, что «существующие при школах библиотеки удовлетворяют лишь читателей школьного возраста, по выходе же из школ им читать нечего, и потому все пройденное в школе в скором времени забывается». Между тем население по другую сторону границы имеет возможность читать «взрослую» литературу. Как говорилось в рапорте губернатору от олонецкого уездного исправника, «в соседних финских школах и вообще в Финляндии можно пользоваться и доставать чтение, вполне удовлетворяющее и взрослых читателей, что известно также и здешнему населению»¹.

Для того чтобы успешнее противостоять распространению финской культуры, учителя решили создать «Образовательное общество». Фактически целями общества стала, во-первых, попытка не позволить населению «пользоваться литературой финского происхождения» и, во-вторых, приучить «местное карельское население к осмысленному пониманию русской речи». Конечно, выполнение поставленной задачи требовало серьезных познаний в карельском языке. Учителя — создатели общества — обладали необходимой для этой цели квалификацией: еще до создания общества они нередко собирали учащихся и местное население в училище и совместно исполняли на карельском языке песнопения и другие молитвы².

В целом, опираясь на значительный опыт преподавательской деятельности, учителя довольно оптимистично оценивали перспективы распространения русского языка в карельской среде. Так, юшкозерский священник писал в 1912 г.: «Как и все карелы, прихожане — народ сметливый, но малоразвитый, и в то же время обладающий изумительной способностью к изучению языков». В течение года пребывания в Финляндии почти каждый карел «вполне усвояет» финский и отчасти шведский языки, а побывав в Америке, «карел скоро привыкает говорить по-английски». Он же отмечал, что учащиеся на второй год обучения, разговаривая дома только на родном языке, «удовлетворительно для инородцев начинают объясняться по-русски, хотя и с неизбежными неправильностями. Можно надеяться, что уже скоро и русский язык в нашей Карелии получит право гражданства, совершился важный шаг по пути обрусения, особенно же ускорит этот процесс ожидаемая дорога, и тогда

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 107/89. Л. 3.

² Там же. Л. 24.

финские сепаратисты уже не найдут почвы мечтать о слиянии с карелами» [Юшкан-ярвен паппи 1912: 133].

Усилия учителей в соседней Вологодской епархии также оказались не напрасными. Итогом их деятельности стала как подготовка интеллигенции из числа коренных народов, так и создание литературы. По мнению исследователя истории коми П. Домокоша, благодаря школам коми стали «*богаче и подвижнее русских, цивилизованнее, просвещенней южных соседей — братьев удмуртов; во второй половине XIX в. они уже располагали значительной литературой, а 1917 г. встретили с более многочисленной и подготовленной интеллигенцией, чем иные*» (Цит. по: [Калинин 2000: 59]).

Таким образом, к концу XIX в. на Европейском Севере России возникла система учреждений народного образования, целенаправленно и систематически работавшая во имя приобщения «инородцев» к русскому языку. Деятельность школ с самого начала приобрела парадоксальный характер. По ironическому замечанию современника, «*отличие инородческой школы от неинородческой заключается лишь в том, что в одной из них (великорусской) узаконено преподавание на родном языке, а в другой — воспрещено*» [Зеленко 1916: 8].

Парадокс заключался и в другом. Школы предназначались для постепенного вытеснения «инородческих» языков из повседневного обихода местного населения. В Карелии эта задача еще более усложнялась: здесь предполагалось поставить заслон распространению финского языка и лютеранской пропаганды. Но в реальности еще в советское время бытовало мнение о том, что русские школы «*способствовали распространению и финской грамотности*», поскольку человек, знавший русскую грамоту, приобретал тягу к образованию и впоследствии «*самостоятельно изучал финский язык*» [Богданов 1929: 76]. Кроме того, именно в процессе формирования системы учебных заведений возникла та часть местной интеллигенции, благополучное существование которой напрямую было связано с сохранением родных языков.

Библиография

Антикоски Э. Проблема карельского языка в деятельности карельского национального движения в Финляндии (1905–1945 гг.) // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 165–171.

Богданов Г.Х. К вопросу о состоянии народного творчества в Карелии. По материалам Северо-Западной Этнологической экс-

- педиции Академии наук // Карельский сборник. Л., 1929. С. 67–81.
- В-гов А. О Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 6. С. 253–256.*
- Жаков К. Пути возрождения Русского Севера вообще и в частности зырянского края // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1915. № 3. С. 67–69.*
- Зеленко В. Что такое инородческая школа? // Инородческая школа: Сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы. Пг., 1916. С. 3–16.*
- Илюха О.П. Создание школьной сети и организация народного просвещения в Беломорской Карелии во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 64–87.*
- Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.*
- Куманев В.А. Революция и просвещение масс. М., 1973.*
- Малиновский Н.П. Законодательство об инородческой школе // Инородческая школа: Сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы. Пг., 1916. С. 119–157.*
- Мироносицкий И. Об улучшенной постановке миссионерского дела. Казань, 1903.*
- Об обращении в православную веру вотяков, мордвы и других инородцев // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительства Синода. СПб., 1868. Т. 1. С. 145–146. Приложение № XVI.*
- Освящение здания двухклассной церковно-приходской школы в селе Онежье Яренского уезда // Вологодские епархиальные ведомости. 1903. № 2. С. 48–51.*
- От Мезенско-Печерского отделения. Распределение учебного материала по предметам одноклассной церковно-приходской школы в зырянских школах // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. С. 194–206.*
- Панфинская пропаганда в Русской Карелии. СПб., 1907.*
- Правила о церковно-приходских школах. Высочайше утверждены в 13 день июня 1884 г. // Сборник правил о школах церковно-приходских и грамоты. С относящимися к ним определениями и указами св. Синода, Училищного при оном Совета и Новгородского епархиального начальства. СПб., 1898. С. 3–23.*
- Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения (1802–1902 гг.). Т. 1. СПб., 1902.*
- Совещание по вопросу о наилучшей постановке преподавания Закона Божия в русских начальных училищах Министерства Народного Просвещения в Финляндии // Карельские известия. 1916. № 13. С. 3–5.*
- Узаконение мнений Н.И. Ильминского в высочайше утвержденных*

26 марта 1870 г. правилах о мерах к образованию инородцев и в действующих ныне правилах 1 ноября 1907 г. об инородческих начальных училищах // Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской Центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913. С. 20–28.

Харузин Н. Русские лопари (Очерк прошлого и современного быта). М., 1890.

Юшкан-ярвен паппи А.П. Юшкозерский приход Кемского уезда (К вопросу о современном состоянии карельских приходов) // Архангельские епархиальные ведомости. 1912. № 5. С. 132–133.